

УДК 802.0-3+808.2-3

Экспрессивная характеристика собирательности в русском и английском языках

И.А. Григорик

Учреждение образования «Витебский государственный университет им. П.М. Машерова»

Дается обзор литературы по проблеме изучения экспрессивности в русле национально-прагматической информации, выявляется семантическая специфика экспрессивных лексических единиц, рассматривается соотношение между коннотативными семами, а также между денотативным и коннотативным содержанием семантики экспрессивных лексических единиц, выделяются различные классы экспрессивных лексических единиц с точки зрения иерархии семантических компонентов и типы лексических экспрессивных значений.

В выводах подчеркивается, что лексическая семантика экспрессивного слова имеет определенную специфику по сравнению с семантикой собственно номинативного класса и выражает субъективные аспекты восприятия человеком реального мира. Поскольку же концентрация национально-культурной прагматической информации имени собирательного велика, то это обязательно должно быть учтено в процессе межкультурной коммуникации.

Интерес к проблеме экспрессивности, вспыхнувший в последние десятилетия, объясняется вниманием к языковой личности, а точнее, «к описанию языка как средства воздействия на языковую личность, на ее поведение и внутреннюю духовную деятельность» [1].

Цель данной статьи – изучить экспрессивность собирательных имен в русле национально-прагматической информации, что обязательно должно учитываться в процессе межкультурной коммуникации. В работе ставятся задачи выявить семантическую специфику экспрессивных собирательных единиц русского языка, рассмотреть коннотативный аспект их значения, а также сравнить их с эквивалентными единицами английского языка.

Эмоции, свойственные человеку, проявляются в сугубо индивидуальных, субъективных формах, что касается оценки, то она социально обусловлена. Обе эти сущности, будучи отраженными сознанием человека, становятся языковыми значимостями и составляют определенную часть семантического содержания экспрессивных языковых знаков.

Материал и методы. Вопросы экспрессивности освещаются в литературе в разных аспектах:

– семантическом (Д.Н. Шмелев, В.Г. Гак, Н.А. Лукьянова, В.И. Шаховский, Э.С. Азнаурова, И.А. Стернин и др.);

- семиотическом (Ю.М. Лотман, Б.А. Плотников, Г.В. Степанов);
- синтаксическом (А.П. Сковородников);
- лингвостилистическом (М.Н. Кожина, Э.С. Азнаурова, Ю.М. Скребнев);
- социолингвистическом (Д.Н. Шмелев);
- социопсихолингвистическом (А.И. Бабайлова, О.Д. Наумова, Т.М. Дридзе);
- в аспекте общей теории речевой деятельности (А.А. Брудный, И.Н. Горелов, В.А. Маслова, Ю.А. Сорокин).

Для решения поставленных задач мы проводили анализ собирательной лексики сравниваемых языков, используя комплекс методов: компонентный анализ, описательный и сопоставительный методы.

Объектом исследования является категория собирательности в русском языке и ее сопоставление с эквивалентными единицами английского языка. Мы обратили внимание на тот факт, что значительная часть собирательных существительных русского языка имеет экспрессивный оттенок.

Результаты и их обсуждение. Экспрессивность – это семантическая сущность, точнее, синтез сущностей, создающий экспрессивный эффект. Данное общее направление работы предполагает поиск той призмы, через которую можно было бы посмотреть на экспрессивный лексический фонд собирательности, репрезентированной разговорными средствами языка. Такой призмой для нас служит лексическая семантика экспрессивного слова, которая, как показало наше исследование в этой области, имеет определенную специфику по сравнению с семантикой собственно номинативного класса слов.

Объединяя экспрессивные лексические единицы (ЭЛЕ) в единую подсистему на основе их функциональной и семантической общности и противопоставляя ее собственно номинативной подсистеме, мы предполагаем, что экспрессивный фонд неоднороден, что ЭЛЕ неоднотипны в двух аспектах: с точки зрения соотношения между денотативно-сигнификативным и коннотативным содержанием в структуре их значения, а также с точки зрения соотношения между коннотативными компонентами, составляющими коннотативное содержание слова [2].

Признавая как факт, что любое слово представляет собой неразрывную связь означаемого и означающего и что семантика экспрессивного слова специфична по сравнению с семантикой собственного номинативного слова, мы полагаем, что существует корреляция между означаемым и означающим [3–5].

Сема «эмоциональная оценка» выступает в двух антонимических вариантах: положительная (мелиоративная) и отрицательная (пейоративная). На уровне речевого употребления слова каждой из этих вариантов представлен рядом аллосем. Под аллосемой мы понимаем конкретный вариант семы.

Аллосемы мелиоративной оценки: одобрение, ласкательность, удовольствие, восторг, восхищение. Аллосемы пейоративной оценки: неодобрение, осуждение, пренебрежение, презрение, отвращение, омерзение, недовольство, возмущение, насмешка, сарказм. Шутка и ирония занимают особое место, так как имеют завуалированный характер, кроме того, это текстовые категории. Слова мелиоративной оценки в словарях маркируются: *деточки* – «ласк.» пейоративной – *скопище*, *бестолковщина* – «не-

одобр.»), *бабьё, хамьё* – «презр.», *солдатьё* – «пренебр.».

Как показывает анализ фактического материала, характер эмоциональной оценки сильно зависит от контекста, в частности, от той эмоции, которой окрашен тот или иной контекст. Поэтому одно и то же слово может употребляться в речи с разными видами эмоциональной оценки [6].

Мы придерживаемся широко известного в современной лингвистике представления о лексическом значении слова как о сложной системе взаимосвязанных компонентов. Последние выделяются с помощью компонентного анализа на двух уровнях: макроуровне и микроуровне. На первом уровне мы выделяем макрокомпоненты, каждый из которых на следующем уровне «расщепляется» на микрокомпоненты. В семантике экспрессивного слова объединяются два макрокомпонента: денотативно-сигнификативный (денотативно-сигнификативное содержание), осуществляющий связь между языковым знаком и объективной реальностью, и коннотативный (коннотативное содержание), связанный с отражением сферы эмоционально-психической деятельности – чувств, эмоций, эмоциональных переживаний человека. Эти компоненты находятся в отношении иерархического соподчинения: в семантике конкретных слов один из них может выступать в качестве его ядра, а другой – периферии. Денотативное и коннотативное содержание, каждое в отдельности, представляет собой систему взаимосвязанных микрокомпонентов или сем. В денотативное содержание обычно включаются следующие семы: категориальная, лексико-грамматическая, собственно-лексическая. К коннотативным семам мы относим «эмоциональную оценку», «образность» и «интенсивность». Каждая из них в разной мере «тяготеет» к денотативному содержанию, в большей мере – «интенсивность» и «образность», в меньшей мере – «эмоциональная оценка». Ядерная сема довольно легко выделяется даже интуитивно, периферийная сема – неосновная, неярко проявляется по сравнению с ядерной, для ее выделения нужно проводить контекстный анализ, анализ словарных дефиниций.

Одним из компонентов экспрессивности является микроразнообразие, связанное с качественно-количественной характеристикой обозначаемого словом явления. Этот компонент – «интенсивность». Интенсивность как семантический феномен мы связываем не с любой количественной квалификацией, а только с той, которая демонстрирует отклонение от «нормальной» меры, вследствие чего воспринимается говорящим иначе, чем обычное, соответствующее норме. Интенсивность экспрессива – это его потенциальная способность актуализировать представление субъекта о высокой степени меры реального явления или признаков, присущего предмету как его свойство или приписываемого ему. Иначе говоря, это способность экспрессивного знака выразить качественно-количественную характеристику референта, которая выделяет его из класса одноименных референтов. В экспрессивном слове интенсивность входит в коннотативную семантику [7].

Мера явления получает значимость коннотативной семы в тех случаях, когда она отражается через призму восприятия ее субъектом, соотносится с его представлением, с его видением данного явления, с его эмоциональным отношением и оценкой воспринимаемого им явления. Поэтому в семантике экспрессивного слова сема «интенсивность» связана с другими коннотативными семами, участвующими в порождении

экспрессивности – «эмоциональной оценкой» и «образностью». Однако эта связь может быть эксплицитной или скрытой. Интенсивность как семантический признак не есть свойство, присущее только экспрессивам, многие собственно номинальные слова имеют этот признак. Интенсивность ЭЛЕ относится к коннотативному содержанию, а интенсивность номинативного слова – к денотативному. Экспрессивное слово отражает не реальную меру явления, а представление о ней субъекта. Это различие служит основным критерием разграничения экспрессивных и неэкспрессивных интенсивов. Семы «образность» и «эмоциональная оценка» в значении образного слова оказываются взаимосвязанными.

Итак, экспрессивность – это семантическое содержание слова, составляющими компонентами которого являются «эмоциональная оценка», «образность», «интенсивность» в разных комбинациях друг с другом, может быть репрезентирована суффиксами в русском языке: *-j*, *-щин(а)*, *-ищ(е)*, *-н(а)*: *бабьё* (*women, womenfolk*), *дурачье* (*fools*), *жульё* (*swindlers*), *сборище* (*assemblage, medley, mob*), *скопище* (*gathering crowd*), *безотцовщина* (*fatherlessness*), *бестолковщина* (*muddle-headed person*), диал. *мужичье* (*men*), *ворье* (*thieves*), об опустившихся людях (обычно мужчинах) *хулиганье* (*hooligans*), *хамье* (*boors*), *ходя* (*гости*) – *guests*. Мы объединяем данные слова в одну лексико-семантическую группу, под которой понимаем «образы множества», выражающие обобщенный смысл «большое количество однородных предметов, явлений или лиц». В английском языке экспрессивные суффиксы отсутствуют, и представленные эквиваленты являются словами нейтральной лексики, за редким исключением: *старичье* имеет эквивалент *chaps* (слово разговорного стиля), *бестолковщина* – *muddle-headed person*. В англо-русском словаре *muddle* переводится как: беспорядок, путаница, «каша» в голове, таким образом, *muddle-headed person* имеет значение «человек с беспорядочной головой». В русском языке *скопище* имеет отрицательную, ироническую экспрессивность, в английском языке *gathering crowd* – *собравшаяся толпа* передает нейтральную оценку.

Самую яркую картину слов, оформленных экспрессивными суффиксами, представляют имена собирательные русского языка, за которыми закреплено определенное прагматическое содержание. Самым нейтральным называют суффикс *-ств(о)*. Однако слова с этим суффиксом тяготеют к книжной речи и потому соотносятся с особой стилистической оценкой: это часто слова высокого, торжественного, приподнятого звучания, как в случае со словом «*офицерство*».

Вниз по стилистической шкале идут суффиксы *-j*, *-н(я)*, *-щин*, а вверх – *-ищ(а)*. На одном полюсе – «*инженерия* (*engineers*), *пионерия* (*pioneers*)», а на другом – «*мужичье* (*men*), *солдатня* (*soldiery*), *военищина* (*militarists, soldiery*)». Суффикс *-j* (*бабье*, *дядье*) вносит в большинстве случаев оттенок разговорности, соединенный нередко с экспрессией презрения,

-ня (*малышня, солдатня*) – придает словам экспрессивную окраску уничижения, *-щина* (*деревенищина, армейщина*) – экспрессию презрения. Сравнив экспрессивные собирательные существительные русского языка с соответствующими эквивалентами английского языка, можно утверждать о наличии стилистических лакунных единиц в английском языке, так как собирательные экспрессивные слова русского языка

передаются нейтральными эквивалентами в английском (стилистические лакуны).

Среди лексико-семантической группы «образы множества» выделяются метафорические лексико-семантические варианты (ЛСВ), называемые нами «образами множества». Данные ЛСВ передают образы «живые» и «стертые», или «мертвые». «Живые» образы непосредственно и «сильно» мотивируются соответствующими номинативными ЛСВ, эта связь осознается носителями языка: *армия ученых, крыс, рыб, тараканов; косяк женихов, поклонников, слушателей*. «Стертые» или «мертвые» образы синхронно не мотивированы номинативными ЛСВ: *ватага, артель рыбаков, шайка, банда*. ЛСВ актуализирует не объект и не реальные признаки объекта, а лишь идею, мысль о большом количестве, а значит имеет лишь сигнификат. Коннотация отражает представление говорящего о большом количестве однородных объектов. Структура ЛЗ «образов множества» не имеет денотата, ее место занимает коннотация и сигнификат настолько сросшиеся, что нет необходимости расщеплять ЛЗ на две структуры. Инвариантное содержание «много» передается любым ЛСВ данной группы, при этом варьируется степень меры количества. Скрытую неявную периферию коннотации переносных ЛСВ составляет сема «эмоциональная оценка». Оценка «образов множества» связана с контекстом, нередко для ее выявления необходим макроконтекст. Образность и количественная интенсивность являются семантической основой экспрессивности метафорических ЛСВ данной ЛСГ.

Словообразовательные дериваты выражают резко отрицательную оценку и сочетаются с экспрессивными существительными негативной оценки: *сборище бродяг (a crowd of tramps)*. Оказиональный «образ множества» строится по определенному типу узуального образа. Он имеет две семантические «опоры»: одна из них – номинативное значение данной лексемы, на основе которого формируется новое, переносное значение или оттенок значения – иначе говоря, образные ассоциации, предопределяющие семантический «сдвиг» в номинативном ЛСВ, другая – лексико-семантическая аналогия.

Метафорические лексико-семантические варианты также широко используются в английском языке. Экспрессивность данных единиц английского языка легко воспринимается русскоговорящим населением: *a well of knowledge, an ocean of love, a bunch of fools*.

Заключение. Итак, многие собирательные имена русского языка обладают целым рядом эмоциональных и оценочных коннотаций. Эти коннотации подвижны, динамичны, зависимы от контекста, однако можно установить набор коннотативных микрокомпонентов, составляющих относительно замкнутый ряд. Например, слово «*стари-чье*» (*old men, chaps*) может употребляться в русском языке как наименование: 1) презрительное; 2) шутовское; 3) сочувственное; 4) ироническое. Отношения конституентов этого ряда напоминают парадигматические, из чего можно заключить, что одним из важных свойств коннотации является гетерогенность. Актуализация одного из оттенков зависит и от «социального контекста», и от отношения к социально-речевому и стилистическому узусу времени, и от авторских интенций в конкретном речевом акте.

Как известно, полные стилистические парадигмы (типа «*лик-лицо-рожа*») встречаются нечасто. Интересно, что некоторые из собирательных имен с морфемным показателем собирательности представляют такие парадигмы: «*офицерство – офицерия – офицерье*» (*the officers*) – экспрессивность в русском языке передается суффиксом -j, а в англий-

ском языке данные эквиваленты передаются нейтральным словом, при этом можно говорить о национальной специфике русских экспрессивных слов, которые видны носителям языка, но остаются незамеченными представителями другой языковой общности [5]. При переводе экспрессивные единицы не передаются, а могут быть замещены средствами другой языковой системы, например, другими существительными, употребленными в переносном значении (*шушера, хамьё, шваль* и их эквиваленты *riff-raff, boors, riff-raff*) имеют денотативно отрицательное значение, а переносное значение формируется с помощью использования другой лексики, например, все эти группы людей можно назвать *rubbish* – мусор, что придаст именно данному слову переносное экспрессивное значение.

Таким образом, в нашем исследовании экспрессивность рассматривается в семантическом аспекте. При анализе подобных единиц выявилось, что лексическая семантика собирательного экспрессивного слова русского языка имеет определенную специфику по сравнению с семантикой собственно номинативного класса и выражает субъективные аспекты восприятия человеком реального мира. Мы не можем утверждать, что англоязычное население не может выразить иронию или презрение, или любую другую оценку, но выражается это в английском языке не на морфологическом уровне, как в русском, а на уровне словосочетания или предложения, а иногда целого текста. *We need a couple of strong bodies for our team* – *Нашей команде необходима пара сильных тел* (=сильных людей). *We need some new blood in the organization* (=new people)/ *Нашей организации необходима новая кровь* (=новые люди). Концентрация национально-культурной прагматической информации имени собирательного настолько велика, что это обязательно должно быть учтено в процессе межкультурной коммуникации.

Л и т е р а т у р а

1. Маслова, В.А. Лингвистический анализ экспрессивности художественного текста / В.А. Маслова. – Минск: Выш. шк., 1997. – С. 12.
2. Шмелев, Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики / Д.Н. Шмелев. – М.: Наука, 2006. – 280 с.
3. Акимов, Т.Г. Теория функциональной грамматики. Качественность. Количественность / Т.Г. Акимов, Д.И. Руденко, А.Е. Супрун. – СПб., 1996. – 264 с.
4. Холодович, А.А. Проблемы грамматической категории / А.А. Холодович. – Л., 1979. – 304 с.
5. Храковский, В.С. Типология интерактивных конструкций / В.С. Храковский. – Л.: Наука, 1989. – 296 с.
6. Арутюнова, Н.Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт / Н.Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1988. – 339 с.
7. Туранский, И.И. Семантическая категория интенсивности в английском языке / И.И. Туранский. – М.: Выс. шк., 1990. – 176 с.

S U M M A R Y

The article is devoted to the analyses of expressive characteristics of the collective nouns in a comparative survey of the English and Russian languages. The research stresses the definite specification of expressive words and shows the subjective aspects of reality. The concentration of cultural national information is so significant that it should be considered in the process of intercommunication.

Поступило 12.03.2008